

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

УСАДЕБНАЯ ЖИЗНЬ В СТИХАХ ПОЭТОВ ЛЬВОВСКО-ДЕРЖАВИНСКОГО КРУЖКА

Исследователи неоднократно отмечали значимость домашнего и бытового контекста для поэтов так называемого львовско-державинского кружка.¹ В этом бегстве в домашний мир отражалась их сознательная идеологическая позиция, которая на определенном этапе могла быть формой протеста, постепенно, впрочем, утратившего свою актуальность: «...в кружке Львова создавался идеал гражданина, который делает полезное дело вдали от столицы, вдали от пышности двора, вдали от тех, кто ищет сомнительной славы и фортуны и зависит от благоволения верховной власти. Но постепенно в этом идеале — протесте — берет верх идея „покоя“, отхода от всякой борьбы».²

Несмотря на несомненную литературную условность описываемых в художественном творчестве этих поэтов жизненных реалий, они тем не менее не могли не быть связаны с действительностью. Поэтому не удивительно, что усадебная жизнь, столь хорошо известная поэтам этого круга, часто являлась предметом описания в поэзии. Более того, можно утверждать, что такого рода тексты, генетически тесно связанные как с традицией описательной поэзии XVIII в., так и с жанром дружеского послания, тяготеют к созданию самостоятельной жанровой разновидности или по крайней мере канона описания усадьбы. В этом можно убедиться при сопоставлении трех больших стихотворений или поэм, из которых два принадлежат непосредственно поэтам львовско-державинского кружка («Евгению. Жизнь Званская» Г. Р. Державина 1807 г. и «Обуховка» В. В. Капниста 1818 г.), а третье — лишь отчасти примыкаю-

¹ См., например *Лазарчук Р. М.* Послания Львова и его роль в литературной борьбе 1790—1800-х годов // Филологический сборник Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена Л., 1970 Т. 460 С. 29—45

² *Берков П. Н. В. В. Капнист как явление русской культуры* // XVIII век М., Л., 1959. Сб. 4 С. 262

щему к этому кругу А М Бакунину («Осуга», 1820—1830-е гг.)³ Нельзя не отметить, что во всех трех случаях тексты являются для перечисленных авторов ключевыми. В научной литературе неоднократно отмечалось, что «Жизнь Званская» свидетельствует об изменении эстетической и идеологической позиции Державина, и так же, как «Обуховка» Капниста, может быть названа «литературной декларацией».⁴ Что же касается поэмы Бакунина, то сам факт работы над ней в течение десяти лет свидетельствует о важности этого произведения для его автора.

Кроме того, некоторые дружеские послания Н А Львова («Отрывок из письма к А М Бакунину») и И И Хемницера («Письмо к другу»),⁵ содержащие фрагменты описания усадеб Званка (имение Державина), Прямухино (имение Бакунина) и Обуховка (имение Капниста), также могут служить подтверждением некоторых тезисов, которые будут высказаны ниже.

В ряде исследований, посвященных отдельным из вышеперечисленных стихотворений, высказывалась точка зрения, согласно которой усадьба в лирике представлена как идиллическое пространство «Стихотворение Державина „Евгению Жизнь Званская“ представляет собой один из самых ярких примеров идиллического хронотопа. В рамках описания одного дня в Званке Державин изображает всю полноту и разнообразие своей жизни в любимом деревенском имении. На протяжении всего произведения он рассматривает соотношение между внутренними переживаниями поэта и его природным окружением».⁶ Вряд ли с этим утверждением можно согласиться полностью. Усадебная жизнь несомненно идеализируется, и поэтому она может быть названа идиллией в переносном смысле, который это слово приобрело в последнее время. Но в терминологическом смысле описание усадьбы у Державина и других авторов не воспроизводит идиллический хронотоп, так как хронотоп усадебной жизни в их лирике не статичен, а изменчив и не равен представлению о нем. Парадокс описания усадьбы заключается в том, что малое, ограниченное пространство, за счет подробности характеристики, занимает значительный объем текста, метафорически отражающий реальную длину прогулки по усадьбе и время, на нее за-

³ Державин Г Р. Евгению Жизнь Званская // Державин Г Р. Сочинения. СПб, 2002. С. 383—390; Капнист В В. Обуховка // Капнист В В. Собрание сочинений. В 2 т. М., Л., 1960. Т. 1. С. 250—254; Бакунин А М. Осуга // Бакунин А М. Собрание стихотворений. Тверь, 2001. С. 150—163. Далее цитаты даются по этим изданиям, без указания страниц.

⁴ Берков П Н. В В. Капнист как явление русской культуры. С. 261.

⁵ Львов Н А. Отрывок из письма к А М Бакунину // Львов Н А. Избранные сочинения. Кельн, Веймар, Вена, СПб, 1994. С. 65—66; Хемницер И И. Письмо к другу // Хемницер И И. Полное собрание стихотворений. М., Л., 1963. С. 271—272.

⁶ Мейор А Г. Пространство и время Державин и Пушкин (Стихотворение Державина «Евгению Жизнь Званская») // XVIII век. СПб, 1996. Сб. 20. С. 80.

трачиваемое (иногда целый день). В цитированной выше работе сделано удачное наблюдение над грамматической структурой державинского стихотворения: «Ход действий и мышления в „Жизни Званской“ тесно связан с грамматической структурой этого произведения. Господствуют глаголы несовершенного вида в настоящем времени, и таким образом мы получаем представление о том, как проводит поэт типичный день в Званке. В сочетании с местоимениями и наречиями, которые выражают время и место действия (например, местоимение *где* и наречие *иногда*), такие глаголы настоящего времени отражают повторяющиеся или привычные действия».⁷ Но и оно вряд ли может служить аргументом в пользу идиллического хронотопа текста, так как цикличность времени и повторяемость действий подчеркивают вариативность занятий лирического героя: в поэме описано не то, что неизменно делается каждый день, а то, что может делаться в любой день жизни в усадьбе. Поэтому жанровое определение «Жизни Званской» как типичной идиллии не представляется до конца корректным, хотя элементы идиллического хронотопа в тексте несомненно есть. Более убедительным кажется утверждение, что произведение представляет собой жанровое смешение, так же как его герой выступает в нескольких ипостасях: «Герой „Жизни Званской“ — одновременно и поэт, и помещик, добрый русский барин. „Жизнь Званская“ — одновременно элегия и идиллия, и в сочетании этих двух жанров ее неповторимое своеобразие».⁸ Но в данной работе стихотворные произведения Державина, Капниста и Бакунина будут рассматриваться не столько в жанровом аспекте, сколько как способ описания однотипного пространства.

Текст каждого из трех стихотворений состоит из ряда обязательных элементов, среди которых наиболее существенными являются два: описание самой усадьбы, ее построек, окружающих ее пейзажей и описание жизни в ней. Таким образом, текст совмещает в себе своеобразную пространственную экскурсию и изложение типичного распорядка дня. Следует отметить исключительную подробность и конкретность характеристики в обоих случаях, чем и определяется достаточно большой для бессюжетного текста объем. Не случайно в работе современного исследователя поэма Бакунина была охарактеризована как «почти путеводитель».⁹

В тексте обязательно указывается точное географическое местоположение усадьбы (более того, оно обычно входит в название текста),¹⁰ перечисляются все строения на ее территории, многие ее

⁷ Там же.

⁸ Серман И. З. Державин. Л., 1967. С. 101.

⁹ Агамалян Л. Г. Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии // Державинские чтения. I. СПб., 1997. С. 123.

¹⁰ Этим определяется как дальнейшая склонность к фактологичности текста, так и его адресат — некто посвященный, тот, кто знает, что именно так называется усадьба, в которой на тот момент проживает повествователь.

обитатели, включая домашних животных, названы по именам, называются растущие в саду цветы и деревья, подаваемые на стол блюда и даже точно указываются названия карточных игр. В рассказе об образе жизни в усадьбе обязательно охватывается весь день — с утра до вечера. Такая подробность во многом обусловлена целью, которую ставит перед собой автор такого рода текстов: доказать преимущество сельской жизни перед городской. Именно само противопоставление является целью повествования, изображение же предлагается в качестве аргумента.¹¹ В то же время антитеза используется и как основной прием, причем второй член оппозиции не обязательно будет назван, так как в данном случае автор выступает против некой общераспространенной точки зрения. Спор с ней имеет давнюю традицию: «...идущее от Феокрита и Горация противопоставление цивилизации и нетронутой природы, славы и радостей тихого счастья частного существования, царских богатств и умеренности — все это приобретает характер противопоставления столичной и усадебной жизни, придворной суеты и свободы».¹²

Наиболее очевидным является противопоставление привычному для взрослого человека миру служебному сугубо своего, хорошо знакомого домашнего мира. Символом первого выступает город, символом второго — усадьба: «Город выступал от лица нации и государства, усадьба — от имени „малой родины“, родительского гнезда и крова».¹³

Наиболее подробно, по именам и с указанием привычек и любимых занятий каждого, семья, как воплощение домашнего мира, описана у Бакунина. Но Державин и Капнист тоже подчеркивают определяющее значение семьи для усадебной жизни. Залогом благополучия в этом мире является согласие с небольшим кругом людей, в который входят родственники и соседи:

В миру с соседями, с родными,
В согласьи с совестью моей,
В любви с любезною семьей,
Я здесь отрадами одними
Теченье мерю тихих дней.

(Капнист)

Такая позиция, впрочем, характеризует лирику Капниста в целом: «Его поэзия утверждает ценность частной жизни, индивидуального бытия, вне зависимости от степени участия человека в госу-

¹¹ Подобное утверждение высказано в статье Л. Г. Агамалян (*Агамалян Л. Г. Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии. С. 117*).

¹² Там же. С. 116.

¹³ *Евангулова О. С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М., 2003. С. 49.*

дарственной иерархии абсолютистской монархии. Отказываясь от формального повторения общепросветительских идей, Капнист в то же время находит свое, индивидуально-поэтическое выражение для идеи личности, ценной именно своей неповторимостью».¹⁴ Тем не менее она находит подтверждение и в других произведениях рассматриваемого типа. Мир семейный дает герою стихотворения жизненные силы, потому что образ жизни в кругу семьи рассматривается как праведный, богоугодный:

Кто с милою женой в совете
И добрым умыслом живет,
Тот верует — тепло на свете
По вере Бог ему дает.
Тепло ему — старик, мужаясь
В объятиях семьи своей
Стоит, с недугами сражаясь,
Как на родной земле Антей.

(Бакунин)

Тот же автор уподобляет главу семьи царю, тем самым подчеркивая возможность достижения в узком кругу близких людей того положения, которое невозможно для него в ином обществе:

Когда вечернею порою
Сберется вместе вся семья,
Пчелиному подобно рою,
То я счастливее царя...

(Бакунин)

Едва ли не основным преимуществом жизни в кругу близких является отсутствие необходимости завоевывать свое положение в обществе и возможность полного взаимного доверия:

Меня семейство окружает,
А не придворный маскарад,
И меду слов не заражает
Сокрытый в смысле речи ад.

(Бакунин)

Городской мир, в частности служебный, показан как мир бессмысленной суеты, в котором каждый преследует единственную цель: добиться большего, чем у него есть. Поэтому возникает взаимозависимость людей, в основном неприятная и стесняющая человеческую свободу. Это хорошо иллюстрирует начало стихотворения Хемницера:

¹⁴ Серман И. З. Капнист и русская поэзия начала XIX в. // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 297.

Теперь в деревне я живу, сует не знаю,
Собой и временем по воле управляю.
Живу как хочется, не так, как мне велят,
Не принужден хотеть другие что хотят,
По повелению веселым вдруг казаться,
По повелению и плакать и смеяться,
Не должен, живучи с людьми, людей искать
И, будучи в кругу веселостей, скучать.¹⁵

Противопоставление членов семьи всем остальным людям характерно для поэзии этого типа, но категоричнее всего оно выражено у Державина, где «люди» вообще не включают родственников («Блажен, кто менее зависит от людей» и «О! коль доволен я, оставил что людей»).

Понятие «своего», актуальное для усадебной поэзии, распространяется не только на семейное, но и на национальное. Предпочтение своего, русского подчеркивается прежде всего в двух случаях. Во-первых, при описании обеда и перечислении блюд:

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус,
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
Но что опрятно все и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здравый
(Державин);

Не беден был наш огородом:
Щи на столе и чай уж ждут...
(Бакунин)

Во-вторых, при характеристике садовых посадок:

Родные дети русской флоры —
Черемха, розан лесовой,
Цветные вязи и узоры
Переплелись над тобой.
(Бакунин)

Национальное ассоциируется с простотой и естественностью, неизощренностью. Усадебный герой вообще неприхотлив. Он может питаться росой и воздухом («Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос» — Державин), ложем для него может служить природный покров («Там сяду я на берег мшистый, / Опершись на дебелий пен» — Капнист), его интерьер убран доступными средствами:

¹⁵ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. С. 271. Ср. первую строку в черновом варианте: «А я в Обуховке живу, сует не знаю...» (Там же. С. 353).

Столовой нашей вот уборы:
Два соловья — один ночной,
В углу часы, в другом — узоры
Свои раскинул плющ живой.
Любимый жавронок, ласкаясь
И заводя со мною речь,
По клетке бегает, стараясь
Мое внимание привлечь.

(Бакунин)

Следует отметить, что домашние птицы (голуби, чижи, жаворонки) достаточно часто упоминаются в поэтических описаниях усадьбы, что не только отражает реальную практику содержания птиц в домашних условиях, но и призвано подчеркнуть предпочтения героями стихотворений живого и естественного механическому. Такие предпочтения носят этический характер: естественность ассоциируется с непорочностью, в то время как изощренность и избыточность — с грехом. Герой каждого стихотворения подчеркивает, что он доволен тем, что имеет, в том числе и в материальном отношении. Чаще всего этот тезис оказывается связан с описанием дома:

Приютный дом мой под соломой,
По мне, — ни низок, ни высок...

(Капнист)

Помостов нет у нас паркетных,
Ни цельных стекол, ни картин,
Ни выписных тканей заветных,
Ни канделябров, ни личин.

(Бакунин)

Державин начинает свой текст с вопроса: «Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть... / Под бремя роскоши, богатств...». Исследователи творчества Державина отмечают, что поэт не сразу пришел к пониманию умеренности как идеала и что значительное влияние на него в этом случае оказали именно поэты львовского кружка, то есть Львов и Капнист: «...кружок, возглавлявшийся Львовым и находившийся под значительным идейным воздействием Капниста, стал влиять на Державина. На смену понятию „пышность“ у него приходят понятия „умеренность“, „скромность“, противостоящие „пышности“ Екатерины и ее вельмож».¹⁶ Тем не менее нельзя не отметить некоторого внутреннего противоречия державинского текста: декларируя бегство от городской роскоши, поэт подчеркивает, что усадебное существование может быть отнюдь не бедным. Тем самым он заменяет оппозицию «роскошь — умерен-

¹⁶ Берков П. Н. В. В. Капнист как явление русской культуры. С. 259.

ность» на противопоставление «излишество — довольство»: «Важно подчеркнуть еще одну особенность усадебных видов Державина: поэт акцентирует внимание читателя на недостатке, довольстве и даже своеобразной роскоши поместной жизни, отказываясь от ставшего стереотипом мотива умеренности, честной бедности. Но это роскошь без излишеств и разврата».¹⁷ В то же время Капнист напрямую обращается к восхвалению умеренности как залога счастья:

Умеренность, о друг небесный!
Будь вечно спутницей моей!
Ты к счастью ведешь людей;
Но твой олтарь, не всем известный,
Сокрыт от черни богачей.

Аналогичную мысль высказывает и Бакунин:

Счастлив, кто жребием доволен —
Каким бы ни был он — своим
От лени, от хлопот уволен,
И счастье неразлучно с ним.

Умеренность потребностей дает ощущение свободы, одной из важнейших ценностей усадебной жизни:

Возможно ли сравнять что с вольностью златой
С уединением и тишиной на Званке?
(Державин)

«Сельская свобода» (Бакунин) описывается в стихах и как независимость, и как ощущение простора, и как тишина, то есть свобода от лишних, мешающих напряженной внутренней жизни, внешних раздражителей и умеренный темп жизни («Зачем же в Петрополь на волю ехать страсть, / С пространства в тесноту, с свободы на затворы»). Слово «тихий» достаточно часто встречается во всех анализируемых текстах, являясь контекстным синонимом словам «мирный» и «вольный».

Но эта тишина не оборачивается скукой, так как обитатель усадьбы имеет возможность выбора занятий. Из мемуарной литературы соответствующего периода известно, что занятия эти были разнообразны, хотя чаще всего склонялись в сторону «изящных искусств»: «Находясь в обществе близких и снисходительных друзей, желая удовлетворить то, что мы называем сейчас эстетическими потребностями, здесь, как мы увидим далее, фантазировали и дилетантствовали на все лады: „играли“ в архитектуру, воздвигали статуи, писали маслом, исполняли миниатюрные портреты, сочиняли

¹⁷ Агамалян Л. Г. Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии. С. 120.

стихи, рукодельничали, словом, упражнялись в искусстве иногда артистично и тонко, иногда наивно и неумело, но с неизменным удовольствием и пользой для душевного равновесия»¹⁸ Тем не менее одним из наиболее интересных и плодотворных способов времяпрепровождения может считаться прогулка по усадьбе. Получившая соответствующее отражение в литературе, эта прогулка в своем описании тяготеет к созданию специфической жанровой формы, что было отмечено в научной литературе « прогулка по усадьбе выступает как свернутая форма путешествия, предполагая, в первую очередь, освоение или присвоение пространства. Литературный ее субстрат — жанр „прогулки“ как отпочковавшийся от „литературного путешествия“ (своего рода игрушечный вариант «большого путешествия»)»¹⁹ В произведениях, о которых идет речь в данной работе, литературная прогулка представлена не в чистом виде, а как одна из составляющих текста, представляющего собой жанрово неоднородное образование.

Герой усадебной лирики обладает особым видением привычного ему мира и в ходе своей заочной экскурсии по усадьбе пытается передать это видение адресату, то есть читателю

Везде и в каждом здесь предмете
Я нову прелесть нахожу

(Капнист)

В первую очередь следует обратить внимание на характерные описания различных природных явлений через традиционные предметы роскоши: драгоценные камни, золото, дорогие ткани

То в масле, то в сотах зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами

(Державин),²⁰

Там двадцать вдруг колес вертятся,
За кругом поспешает круг,
Алмазы от блестящих дуг,
Опалы, яхонты дожлятся,
Под ними клубом бьет жемчуг
Так призрак счастья движет страсти

(Капнист),

¹⁸ Евангулова О. С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. С. 60

¹⁹ Дмитриева Е. Е. Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2003. С. 76

²⁰ Ср. «Великолепие словесной живописи Державина преображает простые вещи» (Агамаян Л. Г. Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии. С. 121)

А на Осугу взглянешь — чудный
Обворожает взоры вид:
В оправе яркой изумрудной
Живое озеро лежит...

(Бакунин)

Эта способность героя видеть давно привычный пейзаж как произведение ювелирного искусства подчеркивает тезис о том, что можно научиться довольствоваться природными дарами.

Но окружающий мир можно не только наблюдать, но и пытаться интерпретировать его, в том числе символически. Чаще всего символической трактовке подвергаются природные явления, свидетельствующие об увядании и разрушении:

Уж он [старый пенъ. — А. В.] склонил чело на воду,
Подмывши берега крутизну;
Уж смотрит в мрачну глубину
И скоро, в бурну непогоду,
Вверх корнем ринется ко дну.
Так в мире времени струями
Все рушится, средь вечной при;
Так пали древни олтари;
Так, с их престольными столпами,
И царства пали и цари.

(Капнист)

В данном фрагменте Капнист демонстрирует характерную для его лирики склонность к «поэтическому обобщению общепсихологических проблем бытия» и «поэтическому освещению коренных вопросов жизни и смерти, счастья и горя, добра и зла».²¹ Но мотивы обетшания и смерти в целом очень характерны для усадебной лирики. Во-первых, это выражается в упоминании родовых могил:

Не тяготи, земля сырая,
Сестры, родителей моих —
Ты стала мне земля родная,
Соединяя с прахом их.

(Бакунин);

Так, — здесь и прах отца почтенный,
И прах семи моих детей.

(Капнист)

Во-вторых, герой рассматривает родовое поместье и как место собственного упокоения, поэтому даже некоторые предметы быта

²¹ Серман И. З. Капнист и русская поэзия начала XIX в. С. 295.

могут напоминать ему о неизбежности смерти, как например зеркало в поэме Бакунина говорит герою:

... старик, не позабудь,
За шестьдесят уже минуло
И собираться надо в путь.
(Бакунин)²²

Капнист даже приводит в конце поэмы автоэпитафию:

«Капнист сей глыбою покрылся;
Друг муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что ей, как мог, служа, трудился,
И только здесь он опочил».

Наконец, Державин рассуждает о тленности мира на примере картины разрушения Званки после его смерти:

Так самых светлых звезд блеск меркнет от ночей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спашнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не вспомнянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд,
И разве дым сверкнет с землянки.

Замечание И. З. Сермана о том, что «В „Жизни Званской“ Державин поэтически воспроизвел „вечер“ своей собственной жизни»,²³ кажется чрезвычайно точным.

Таким образом, завершая описание усадьбы, герой одновременно как будто завершает и описание собственной жизни. Этим лишний раз подчеркивается тяготение усадебной жизни к полной изоляции и претензии ее на абсолютную законченность и совершенство; это исчерпывающий мир, в котором есть все, что необходимо человеку для полноценной счастливой жизни.²⁴ Внутри этого гармоничного мира практически отсутствует различие высокого и низкого, поэтому соседство бытового и возвышенного не создает комического эффекта:

²² О тесной связи усадебной лирики с реальностью в целом и текста поэмы в частности свидетельствует тот факт, что, перерабатывая поэму в течение более 10 лет, Бакунин менял упоминаемый в ней собственный возраст (см.: Бакунин А. М. Собрание стихотворений. С. 195).

²³ Серман И. З. Державин. С. 100.

²⁴ В этой связи обращает на себя внимание фраза Державина «Внутри дома тешимся столиц увеселеньем», указывающая на то, что любое столичное развлечение можно найти и в деревне.

В овраг церковный под вязами,
Где тихая, заснув, струя
Снабжает стол наш карасями,
Пойдемте слушать соловья
(Бакунин)

То, что одновременно приносит и пользу и удовольствие, не может быть низким, а следовательно, относится к сфере поэтического. Поэтому столь много внимания уделяется описанию бытовых явлений. Но это не включение бытовых элементов в стихотворное произведение, а облечение текста бытового содержания в поэтическую форму, то есть поднятие быта до искусства: «Вещественное в усадьбе не противопоставлено духовному, а наполнено им».²⁵

«Одухотворенный усадебный быт»²⁶ способствует творчеству, потому что создает ситуацию, при которой для лирического героя частная жизнь по степени важности не только соизмерима с общественной, но может даже превосходить ее. Описывая процесс творчества в деревне, Державин не делает различия для своего героя между узким кругом близких людей, монархом и Богом:

К царям, к друзьям моим, иль к небу возношусь
Иль славлю сельску жизнь на лире

Это принципиальная позиция героя усадебной лирики, с помощью которой он противопоставляет себя другому типу поэта, находящегося на службе у общества. На практике автор мог совмещать обе позиции, как это было, например, с Державиным. Возможно также и взаимодействие городского и усадебного пространства в творческом процессе. «Город „поощрял“ интеллектуальное общение единомышленников, был источником вдохновения и давал пищу творческим замыслам. Последние нередко воплощались в жизнь в деревне, а затем предлагались на суд друзей и ценителей в городе. Быт Державина, Львова, а позже Пушкина и их современников ввел эту модель в норму как оправдавшую себя».²⁷ Так или иначе, усадебный поэт не различает жизнь и творчество, а поэт второго типа не смешивает частную жизнь и поэзию. Для поэта в усадьбе сама жизнь является поэзией. Поэтому происходит два параллельных процесса: моделирование этой жизни, жизнестроительство и одновременно его описание, что приводило к восприятию самой жизни как текста, то есть законченного произведения искусства. Кружковость также очень важное свойство такой поэзии, потому что жизнестроительство требует зрителей, но вместе с тем эти зри-

²⁵ Агамалян Л. Г. Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии С 22

²⁶ Там же

²⁷ Евангулова О. С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы С 50

тели должны быть узким кругом посвященных, иначе утрачивается ощущение избранности «счастливых праздных» и сам процесс теряет смысл. Эту ситуацию хорошо описывают слова, сказанные современными исследователями о «Пирах» Боратынского: «„Особый социум избранников“, друзей-поэтов, отмеченных печатью гения, собирается в „особом пространстве“, пространстве родовой и культурной памяти, и отмечает эту встречу „сладким пиром“». ²⁸ Именно поэтому усадебную поэзию членов львовско-державинского кружка следует рассматривать в совокупности.

²⁸ Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. С. 321